

дончусь. Воде будет! Нет, наш город еще до ума доводить надо. А эту Барышню я помню,—сказал Королев; у него была поразительная память.

— И я вас помню,—ответила Тося.
— В гости приезжали!
— В гости,—ответила Нина.
— А где работали?
— Она не работала.
— Вот и правильная!—одобрил Королев.— Зачем это работала? Я вот тоже скоро брошу, сад разведу, обляпну посажу,—весь такой прелеватый кустарник.—Королев расстегнул свой потертый плащ, загордился от ветра, закурил.—Где жара и где зима?—там нефть, я уже заменил,—сказал он Нине.
— Вы бросите ли когда-нибудь курить!—спросила Нина.

— Нет!—крикнула Королев.—А хоронить меня будешь, в гроб рядом со мной пацку папирок положешь. А то меня забудет. Помню!

— Помнятку!—крикнула в ответ Нина.
Королев, сощурившись, посмотрел на нее.
— Вот подружка твою не работала, даром что инженер, с дипломом. А ты зачем не буровых горела дровами? Стригла все, посмотрел на тебя нехорошо. Хотя бы тогда побольше в кабинета сидела, бумажки писала!
— Я не могу, мне работать надо... А в скоро уеду,—сказала Нина,—новое месторождение осваивает.

— Незнаю, однако, какая еще там нефть.—Большая или маленькая?—спросил Королев.—А жаль, дочка, тебя с мамой в Чусовских городках на бысы; начало нефтью отуду. Ты сама тоже уральская, да?
— Я вам сто раз говорила, что не уральская,—ответила Нина.

— Ну, ну, ты старую так не отвечай дерзко. Значит, пошлашь в Горьково! А кто тебя гонит Женю так?
— Никто. Сама.

— Так, так. Хотя я всегда говорил и еще говорю, что женский пол в наше дело не годится. Вон подружка молодец, что бросила! И ты бросай! И я брошу! А ты что, подружку на прощанье вяжи, пожелайла, что ли? В осторожной кофте, нефтянке-то—она ведь коварная. Будешь здоровой!
Королев махнула кашпоном, потрел лису по плечу и быстрыми шагами разошелся вперед.

— Сердечный какой!—сказала Тося.—А вспоминаю меня. Про никого это он жениха говорил!

— Да так. Шутки.
— Что ты врешь! Тыешься от меня, неосторожная ты стала.

— Ни от кого я не таюси!—ответила Нина, глядя вслед Королеву, который в своем плаще был похож на монаха.

Тося обижено замолчала.

Проводя подружку до гостиницы—двухэтажного дома, затвненного топелам,—Нина медленно пошла домой. Все эти годы, вспоминала Тося, она завидовала ей. Устроенная жизнью! Как ей тоже хотелось устроенной жизни! Сегодня она прекратила завидовать Тосе. Она вспоминала красное и доброе Тосино лицо, ее участливые слова, потом мажало бы на здоровье. Потом вспоминала Королеву. Рассердился он на Тосю. «И ты бросай! И я брошу!» Вся жизнь его тут. Он на буровой и умирал. Да, подружку бросил! Как это Тося говорила: «Прощанье!» Снизилась с него, Отсюда, где каждый день вырос на глазах, надежда ушла! Не одна вяжи асталя при ее участии. Буровики, суровые люди, говорят ей тыла, называя сестричком. Ей суждено быть охваченной только заботой, в этих краях, где глубоко под землей лежит нефть, а по земле ходят люди, которые эту нефть всасывают.

Сестра Лида, маленькая, стрижная, туго перепоясанная красным ремешком, неизвестно откуда очутилась перед Ниной. Голова у нее была склонена набок, лицо просветленное, она заглядывала Нине в глаза—настоящий щенок, который машет хвостом.

— Ничего, я тебя умоляю! Только ты не сердись, ты послушай. Последний раз. Я экзамены сдать. И значит, я их почти сдаю. Я всею оченю поведу, если не поведу. Ты бы не могла мне...

— Безобразно,—сказала Нина,—форменное безобразие все эти сорванцоны!

— Последний раз!—проникновенно проси-

ЖИЗНЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Трезвонно выслушивает Клавдия Александровна Пашенкина новорожденного. Ум, сардоничный мет. Оно утасло в самом начале, не успеве дожить жизнь в это хрусткое тепло. Ребенок был в состоянии климической смерти.

Но врач не сдавался. Вероятно, ребенок утасло всего несколько минут назад. Нужно попытаться его оживить! Чтобы теплая ребенка не охладилась, его опускают ванночку с теплой водой. Теперь, когда наружная температура подданным неспособна теплой, надо быстро очистить дыхательные пути и бронхи. И, наконец, Клавдия Александровна в помощи специального аппарата приступает к искусственному дыханию.

Продлится вторая, третья, четвертая минуты—и в девяти пожелает слабое, едва прослушиваемое сердцебиение.

Сейчас почти все зависит от скорости и четкости работы медицинского персонала. И дружная коллекция продолжает самозатраченную бороться за эту адскую тепличную жизнь. Через полчаса девочка сделала первый самостоятельный выдох. Через сорок минут ребенок уже дышит ровно и регулярно. Появилась рефлексы, в ответ за ними родился и первый, возмущенный о вернувшейся жизни слабый крик.

— И не будем расстраивать о том, как звали и кричала Наташа, мамин исключительный вниманием и заботой окружена в этой коллекции родильного отделения. Достаточно сказать одно: Наташа Шлычкова здорова и сейчас этого года пошла в школу.

— Большую работу по борьбе с наиболее распространенной причиной мертворождения—«белой асфиксией»—ведет в течение последних лет институт родильного отделения 1-й городской больницы имени И. И. Пирогова и акушерско-гинекологической клиники 2-го Московского медицинского института. Упорно искали тут новые пути и формы для

Врач И. А. Пашенкина с новорожденной и ее матерью Александрой Александровной. Фото С. Туркина.

борьбы с этой тайной болезнью. С развитием отклинулось коллекция на предложение лабораторной экспериментальной физиологии Академии медицинских наук СССР (руководителя—профессор В. А. Моговой) проверить на практике разработанный лабораторный метод «рефлекторной стимуляции дыхания», осуществляемый с помощью аппарата для искусственного дыхания.

Спасение Наташи—это не единственный случай, но отдельная удача врача. До настоящего время здесь успешно применялся этот метод, спаса-

лел новорожденных с помощью аппарата для искусственного дыхания. У нее было 28 детей, родившихся с «белой асфиксией», спасены Клавдией Александровной Пашенкиной и ее товарищами.

Разумеется, аппарат не волшебен. Но во всех случаях его применение было столь эффективным. Многие еще не поддаются науке, многие еще является тайной, скрытой в запертых днях. Но и то, что умеет допустить, — большой шаг вперед.

А. ДЛУГАЧ

аз младшей дочери.—Чтобы никого не поводить!

Нина отчетливо видела илетчатую кобюйку за углом соседнего дома. Лида сделала жест рукой, и кобюйка скрылась.

— Ладно,—сказала Нина.—Имй в виду, это плохо кончится.

— Сорванцоны!—испуганно спросила Лида.

— Нет, экзамены.
— Никогда!—воскликнула Лида и убежала за угол соседнего дома.

Нина подошла к своему дому, остановилась около старухи, вместе с нею стала смотреть на улицу. По улице шли знакомые. А тех, кого не знала Нина, знала старуха.

— Это Еремичны, они немнимо живут. А этого ты знаешь, аго все знают, повальный мастер. Трезвый.

Старухе не без кокетства подбровилась с проносящим мимо высоким бритоголовым человеком.

Прошла помбурьячица Цветова, веселый могучий парень, помачал Нине газетой. Два подружки с третьего промисла в одинаковых платьях, в одинаковых туфлях медленно шли под руку.

— На танцы,—сказала старуха.—Большо рано собрался.

Небо было темное, дул ветер. Вдруг показалось солнце и осветило огромные серые бани на склонах ближних зеленых холмов за городом.

Ветер принесил запах польни с золотом. В городе нефти не пахло нефтью.

На улице вдруг стало очень людно.

— Кончилось кино,—заматка старуха.— А эти кто?—спросила она, показывая на смуглую черноволосую девушку и парня в теле без погоню.

— Незнакомые молодые люди, наверно, недавно здесь,—сказала Нина.—А я решила вать в Горьково.

— Да ну!—сказала старуха и вытнула губу, поросую темными усиками.—Одна! С ним!

Нина похрюкала.

— Он не промяузал,—сказала старуха,— испелую выбрал. А нефть там больше!

— Не знаю. Посмотрим,—ответила Нина.

— Д-д-д! Значит, так,—проговорила старуха.—Показреть надо.—И вдруг закричала:—Не озаруй!

Показался и исчез ее внук.

Ждут на токийском аэродроме вылета по приглашению олимпиады о советских артистах.

Политбюро предпринимает встречаться: «Чтобы был порядок»

На токийском аэродроме. Фоторепортажи работают...

агуста вынуждена была признать: «Александр Данилов технически танцует еще хорошо, но физически он слаб». Это категоричное суждение было вынесено даже в заголовке статьи. Один зритель-американец, сорвавшись по поводу провала концертов Данилова, в своем отзыве все свел к одной фразе: «Данилов не здоров». Снабжаясь, в провале гастроль «эпохальной звезды» виновата не она сама, а все японские журналисты по танцам!

Эти истории с Даниловым еще не кончились. Вечером 23 августа в Токио должны были прибыть артисты советского балета. А днем до токийского радио несколько раз передавалось такое сообщение:

Музыкант **X** потерял ноты оркестра, с которым будет выступать балет московского Большого театра. Если ноты не будут найдены, то сорвется гастроль.

Конечно, ноты вскоре были найдены. Оказалось, что принадлежит они оркестру, с которым выступает все та же госпожа Данилова. Кстати, Александра Данилова преследует советский балет не впервые. Она появлялась и в Лондоне перед гастролью балета Большого театра и с трагиком провалилась. Та же участь постигала ее и в Токио.

Японская прогрессивная общественность встретила артистов советского балета с искренним радушием, гостеприимством и сердечностью. Поздню вечером и прибытию самолета «Эйр-Франс», на котором находилась группа артистов советского балета, в аэродроме Ханада собралось несколько сот японских артистов, представителей интеллигенции, деятели журналистики и фотожурналистики. Огромные букеты неопетанных по красоте японских цветов появились в руках каждого советскому артисту. Дружные объятия и поцелуи выражали взаимные чувства любви и гостей.

Мне привели и в мое искусство нашей страны и сердечные пожелания укрепления культурных связей между нашими народами — сказала собиравшимся на аэродроме представительница японской общественности народная артистка СССР О. В. Левшинская. В полночь Токио спит. Но эскорт

автомашины с артистами советского балета, следовавшей по улицам, тепло и дружно приветствовали. Многие ждали столицы Японии. На следующий день утром состоялся пресс-конференция. Советские артисты отвечали на вопросы японских журналистов. Как утверждали участники многих таких собраний, впервые на пресс-конференции в Токио была атмосфера взаимного радушия и простоты, звучали японскими журналистами.

Газета «Иомиури» и Ассоциация друзей искусства устроили большой прием в честь советского балета. В парке, где проходил прием, ярко горели большие японские фонари. На каждый из них было по одной русской бумажке. Таким образом на всей лавке фонарей горели слова: «Добро пожаловать, артисты большого театра!» От смеха и чужеродности, так характерной для торжественных приемов в Токио, не осталось и следа. Искренность, задушевность, радужные зелья и сердечность гостей придали приему дружеский характер.

Отель «Дейин» в оживленном районе Синбиси, где остановились артисты балета, — в центре внимания токийцев. У входа в отель собираются толпы людей, чтобы приветствовать посланцев советского искусства. Японские и советские флаги развев у входа. Но не всем нравится то радушие, с которым встречают артистов Японские советские люди. В один из вечеров советский флаг у отеля «Дейин» оказался сдвинутым. Присутники, опасаясь собиравшейся к гостинице толпы, сержались. Как утверждали очевидцы, советский флаг был похищен тремя американскими летчиками с военных баз, которыми перенесены Япония. Но советский и японский флаги по-прежнему по соседству развев у отеля «Дейин» на Синбиси. Театр «Кюва», где 28 августа началось выступление советского балета, сдвинул японцы отменили. Организаторы толпы желающих попасть на концерты или хотя бы посмотреть на артистов балета при их выходе из театра заполняют соседние улицы.

Парад началом все три тысячи может занять. В зале волнующие ожидания. Волнуются и за кулисы

ми как примет требовательный японский зритель выступление незнакомому ему советского балета.

Два часа идет программа концерта. И два часа, после каждого номера, гремит аплодисменты. Уже после первого концерта ведущие японские газеты «Асахи», «Иомиури», «Майнини» поместили фотографии и подробные отзывы о выступлении артистов советского балета.

Газета «Иомиури» под заголовком «Мир сезонной красоты и невиданный успех со времени окончания войны» Балета Большого театра вышло первым грандиозным зрелищем после окончания войны. Газета поместила отзывы известных японских писателей Нигам Сига, Такудо Исихара и других подзаголовками: «Потрясающий прогресс», «Новое в традициях», «Блестящая твистка».

Газета «Майнини» сообщила: для того, чтобы посмотреть выступление советского балета в Японии, приезжали жители Филиппинских и Гавайских островов. Газета отменила многообещающую, граничащую с иррациональностью «смыслы» танцев балерины Левшинской, высокая мастерство исполнения иррациональных танцев Гидомариной, а также блестящую танцевальную программу обремененного, Фарманова и Лоджа. Газета также замечает, что исполнение Касатиной японского танца «Ситудра» («Винный») вызывает всеобщее восхищение. «Асахи» подчеркивает прекрасное исполнение Левшинской танца «Вешние воды» Реманнова и ее совершенную танцевальную программу из «Дон Кихота».

Мы начали с рекламы. Реклама, как говорят в капиталистическом ми-

ре, — двигатель торговли. Хорошая реклама, конечно, нужна. Но несомненно, большое искусство находит путь к сердцу любого народа и без шумной рекламы. И оно, это искусство, зовёт людей к дружбе друг с другом, к миру во всем мире.

Токио, 1967 г.

За кулисами. Народная артистка СССР О. Левшинская беседует с рабочими сцены.

Артисты Касатини после исполнения японского танца «Ситудра» («Винный») с вальсовым паркетом.

